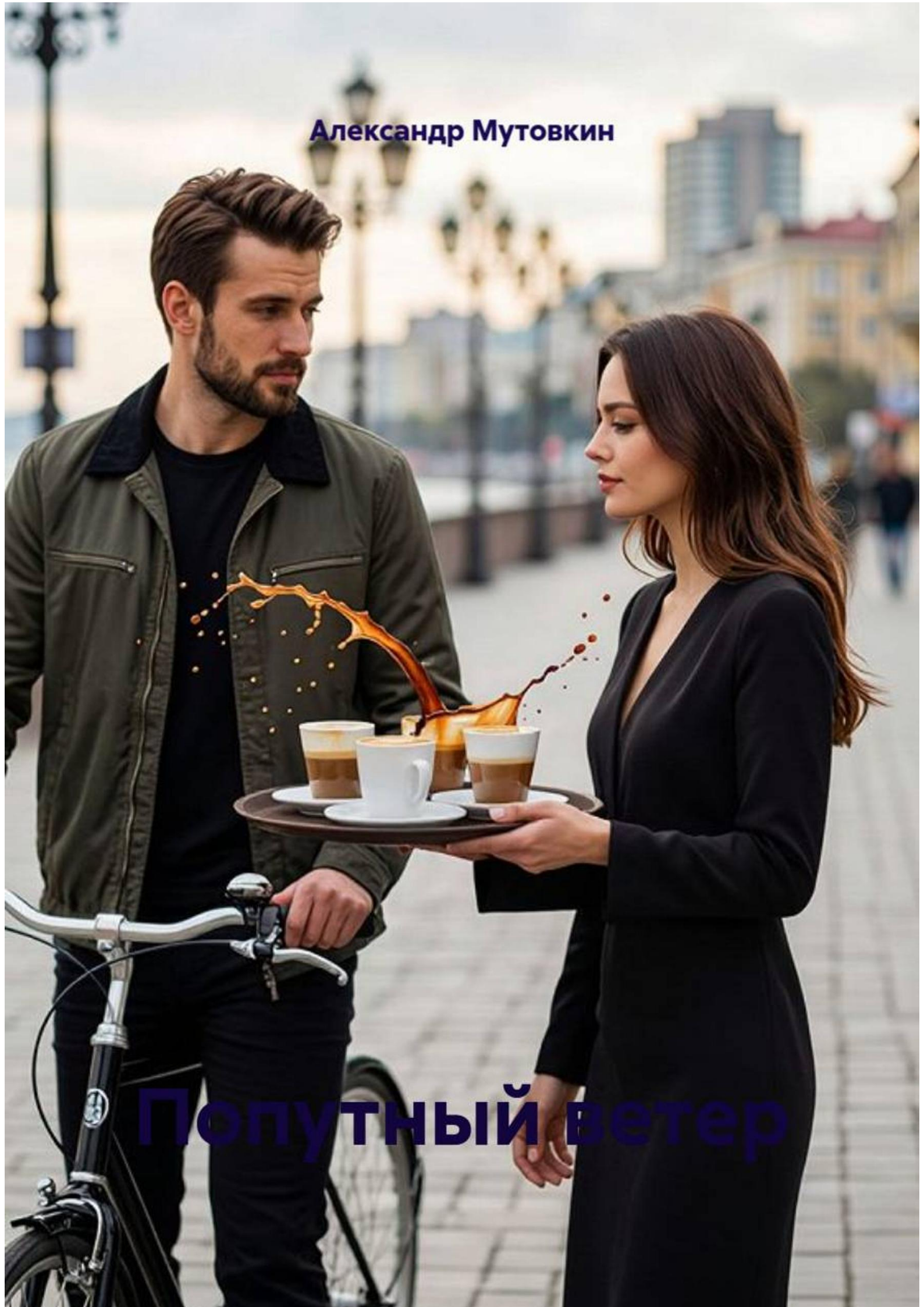

Александр Мутовкин

Попутный ветер

Александр Мутовкин

Попутный ветер

«Автор»

2026

Мутовкин А.

Попутный ветер / А. Мутовкин — «Автор», 2026

Утро. На Приморском бульваре Марк на велосипеде сталкивается с Жанной — та несёт поднос с тремя капучино для важного клиента кафе. Капучино летят на Игната, который как раз шёл «осматривать объект». С этой минуты: Игнат открывает охоту на участок (и мимоходом — на Жанну), Марк получает контракт на реконструкцию той самой набережной (то есть официально должен снести любимое кафе Жанны), а Гоша и Ася устраивают «подставную» встречу в троллейбусе 5, где герои случайно носят одинаковые шапки. Понимание приходит на высоте Генуэзской стены и в нижней точке счёта кафе. Финал: Игната побеждают не кулаками, а грамотным архитектурным проектом, доверенностью от всего квартала и одной хорошо спланированной свадьбой за три года до самой свадьбы.

© Мутовкин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Мутовкин

Попутный ветер

Глава 1

Три капучино и один тормоз.

Утро в городе начиналось так: солнце било в окна, коты на Корабельной лениво сползали на тёплые плиты, а Жанна Сосновская спорила с кофемашиной.

— Ты чего, Валера? — она постучала по железному боку. — Ты же ждал меня четыре года. Четыре года, Валера. И вот именно сегодня, когда я надела новое платье, ты решил показать характер.

Кофемашина, как все взрослые мужчины, отреагировала молчанием и струйкой пара куда-то мимо чашки.

— Он не зловредный, он ревнивый, — раздался голос от дверей. Ася Ветрова вошла в кафе «Компас» так, как входила всю жизнь: без предупреждения и с порцией свежих сплетен. В её волосах сегодня были зелёные пряди, вчера — фиолетовые, позавчера — огненно-рыжие. Психика Жанны уже адаптировалась.

— У тебя на восемь заказан столик для господина из банка, — сообщила Ася. — Он будет капучино. Три штуки. Несём лично. Лично я тебе сказала, лично.

— Откуда ты знаешь про столик на восемь?

— Я его вчера видела. Он красивый, как реклама швейцарских часов. Только часы стоят дороже.

Жанна посмотрела в зеркало за барной стойкой. Чёлка, конечно, встала дыбом. Всегда. В любой момент.

— Подушки на него сдуть? — невинно уточнила Ася.

— Я его ни разу не видела.

— Подушку тоже? Ладно. Поднос неси сама, я тащить не буду, у меня терапия.

— Терапия?

— Терапия — это когда я сижу в тату-салоне и плачу клиенту за то, чтобы он не дёргался, пока я рисую ему дракона на плече.

— Это называется «работа».

— А работа называется «терапией», если клиент платит двести в час, — Ася повесила на плечо рюкзак и исчезла так же бесшумно, как вошла.

Капучино были готовы в 8:57. В 8:58 Жанна вынесла поднос на набережную — от кафе до открытой террасы было двадцать метров солнца, морского бриза и предательства кофейной физики.

Марк Гордеев в это самое утро ехал на велосипеде по Приморскому бульвару с чувством, что мир наконец-то начал к нему прислушиваться. Мастерская горела под солнцем — буквально, светилом, а не пожарной сигнализацией, — чертежи нового проекта лежали в рюкзаке, а впереди была дорога вдоль моря и десять минут до рабочего дня.

Дорога была отличная: гладкий асфальт, клен по левой стороне, море справа. Марк уже почти доехал до террасы кафе «Компас», когда из-за поворота выплыло маленькое упрямое явление.

Явление несло поднос с тремя капучино.

Явление было низеньким, стройным, блондинистым и шло так уверенно, как будто набережная была её личной собственностью. Асфальт был мокрый — ночью накрыла гроза, — и Марк понял всё за полсекунды.

Он нажал на тормоз. Тормоз нажал на тормоз. Тормоз, как все взрослые механизмы, решил, что утром понедельник, и отчаялся.

Марк поехал. Не «поехал» в смысле глагола — «поехал» в смысле физики: с асфальта, по воздуху, над маленькой блондинкой, поднос которой взмыл вверх с точностью ракеты среднего радиуса действия.

— Ой! — сказала Жанна, когда свет померк в трёх капучино.

Время на несколько секунд остановилось. Потом растеклось — по асфальту, по белым рубашкам прохожих, по портфелю неизвестного господина в идеальном костюме, который шёл им навстречу.

Господин в идеальном костюме стоял и смотрел на свой портфель. Портфель смотрел на свои капучино.

— Простите! — бросилась Жанна к нему, потом к Марку, потом снова к господину. — Я вам заплачу! Я всё заплачу!

— Это не ваша вина, — сказал Марк, поднимаясь с асфальта. У него был порез на ладони и вид человека, который только что выиграл и проиграл в одно и то же утро.

— Это не ваша вина, — Жанна повернулась к нему, и Марк увидел её лицо впервые.

Чёлка была растрёпана. Нос был красный. Серьги — серьги были маленькие серебряные компасы, и они дрожали, когда она говорила.

— Они дрожат? — спросил он и тут же почувствовал себя идиотом.

— Что дрожит?

— Серьги. Они... дрожат.

— Это от того, что я дрожу, — сказала Жанна с достоинством, на которое способен только человек, у которого на полу три капучино. — Вы на велосипеде. Я с подносом. Господин в портфеле — посередине. Математика не на чьей-то стороне.

— Меня зовут Марк.

— Жанна. — Она посмотрела на господина в костюме. Тот всё ещё изучал портфель с выражением человека, который собирается засудить и асфальт, и гравитацию, и понедельник как класс.

— Вы в порядке? — спросила она.

— Я — в порядке, — сказал господин с улыбкой, которая должна была быть очаровательной, но получилась как реклама зубной пасты: белая, широкая и пустая внутри. — Игнат Логвин. Мой костюм, впрочем, не в порядке, но костюмы чинят.

Ася появилась из кафе с полотенцами и первым криком:

— Жанн! Что ты натворила?!

— Ничего! Я просто несла капучино!

— А этот, — Ася указала на Марка, — полетел!

— Я не полетел, — возразил Марк. — Я траекторию менял. Красиво менял.

— Красиво! — Ася уже тёрла полотенцем рубашку Игната, который смотрел на её зелёные пряди с чувством человека, который увидел в небе инопланетный корабль. — Красиво! Господин из банка, у вас рубашка в пятнах! Это Жанна, это Марк. Учитесь!

— Из какого банка? — спросила Жанна, а Марк успел заметить, как у господина в идеальном костюме улыбка на мгновение — на одну секунду — стала настоящей и немного ранимой, прежде чем снова закрыться белой ширмой.

— Не важно, — сказал Игнат. — Важно, что я сегодня хотел в это кафе. Похоже, кофе тут отменный, если о нём так мечтают, что сбивают с ног.

Он улыбнулся. Улыбка была ровно такой, как надо. Жанна улыбнулась в ответ, потому что она была вежливой. Марк посмотрел на него с чувством человека, который только что выиграл и проиграл в одно и то же утро — и начал понимать, что «проиграл» ещё только начинается.

ГЛАВА 2

Скидка за аварию

К одиннадцати часам понедельник перестал быть сюжетом и стал должностной обязанностью.

Жанна разлила, вытерла, извинилась — трижды перед Игнатом, один раз перед Марком и один раз перед кофемашиной («Валера, я тебе всё простила, но это надо было заслужить»).

Марк, не переставая извиняться перед всеми, отбуксировал велосипед к мастерской — она была в двухстах метрах, через дорогу от кафе, с вывеской, которую он вешал сам четыре года назад: «Гордеев и проекты». «Гордеев» — то есть он сам. «Проекты» — то есть чертежи, модели, старый стол, три лампы и копилка, в которой вместо денег лежали обломки кафельной плитки со старых зданий.

— Ты улыбался, — сказала Жанна, когда он зашёл в кафе — за новым капучино, которого заслуживал весь квартал.

— Я не улыбался. Я раздумывал.

— Раздумывающие не улыбаются с обеих сторон.

— Тогда я раздумывал и улыбался.

— Это опасно для здоровья. Садись.

Марк сел. Жанна принесла флэт уайт, поставила перед ним и посмотрела серьёзно:

— Вы мне ничего не должны. Кофе — за счёт заведения.

— За счёт моего... заведения? — Марк оглянулся на кафе.

— За счёт кафе. То есть за счёт моего.

— Кофе — за счёт кафе, а кафе — за счёт тебя? Значит, кофе — за счёт тебя. Странная бухгалтерия.

— Странная, но справедливая, — сказала Жанна. — Пейте.

Он пил. Флэт уайт был идеальный. Чёлка Жанны, к тому времени, встала дыбом ещё раз, и Марк подумал, что это, возможно, самая привлекательная чёлка, которую он видел в жизни.

В кафе вошёл Игнат Логвин.

Он вошёл так, как входят в кафе те, кто его скоро купит: оглядел стены, потолок, окна на море, барную стойку, кофемашину Валеру и Жанну — в таком же порядке. Взгляд задержался на секунду дольше, когда дошёл до Жанны.

— Добрый день, — сказал он. — Жанна, если я не ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь.

— Игнат. — Он положил на стойку визитку. Золотая надпись. «Логвин и партнёры». — Я принёс вам подарок. За капучино, которых не было.

— Кофе у нас не по цене слёз, — сказала Жанна, но визитку взяла.

— Это не кофе. — Игнат достал из кармана конверт. — Это билеты. Сегодня в семь, в филармонию. Вы заплатите мне только временем.

Жанна посмотрела на Марка. Марк посмотрел в чашку. Оба почувствовали одно и то же, и оба не знали, как это назвать.

— У меня в семь, — сказала Жанна после паузы, — смена.

— В семь у меня — чертежи, — сказал Марк, не отрываясь от кофе.

— Как жаль, — сказал Игнат с улыбкой, которая опять была ровно такой, как надо, и которая опять ничего не значила. — Тогда в следующий раз.

Он ушёл. Жанна крепко сжимала визитку, будто та была листком бумаги, который вот-вот подхватит порыв ветра и унесёт прочь.

— Это из банка? — негромко спросил Марк.

— Из банка, — отозвалась Жанна, всматриваясь в буквы и всё ещё не решаясь поверить.
— Или... может, из-под него. Пока не пойму.

Марк опустил взгляд в свою чашку и замер, изучая тёмную гладь так сосредоточенно, словно перед ним развернули сложные чертежи.

— Мне кажется, это всё-таки из-под банка, — тихо проговорил он.

— Да, — чуть слышно согласилась Жанна. — И мне так кажется. Мне тоже.

А в мастерской напротив, в этот самый момент, звонил телефон. Голос в трубке был короткий и сухой, как сухой паёк:

— Гордеев? Говорит управление культуры. У вас есть четыре часа, чтобы принять наш контракт. Реконструкция набережной. Весь квартал — под снос.

Марк опустил трубку. Постоял. Посмотрел в окно на кафе «Компас», на Приморский бульвар, на Жанну за стойкой — она разливала кому-то кофе, и чёлка её снова стояла дыбом.

Потом он снял с крюка жёлтый велосипед и поехал в управление культуры — потому что и у него, и у кафе «Компас», и у набережной, и у всей этой истории впереди было ровно четыре часа, чтобы понять, как всё кончится.

А куда Марк ехал — где-то в другом конце города, в белом кабриолете, Игнат Логвин вёл машину и улыбался своей идеальной рекламной улыбкой. Он уже всё решил. Он ещё не знал, что решил неправильно.

ГЛАВА 3

Крыша, которой не будет

Управление культуры встретило Марка запахом старой бумаги и видом молодой сотрудницы, которая жевала конфету и смотрела на него так, как смотрят на человека, опоздавшего к собственным похоронам.

— Гордеев? — сказала она, не дожидаясь, пока он представится. — Снимайте куртку, садитесь, подписывайте. Скорость у вас аховая для пешехода. Велосипед у входа не паркуйте, у нас же там депутаты ходят.

— Я не подписывал ещё, — осторожно сказал Марк.

— Значит, вы первый человек в этом управлении, который читает, что подписывает. — Она подвинула ему папку. — Только не читайте слишком долго. Проект горит.

Марк открыл папку. Сначала было тихо. Потом стало очень тихо.

«Реконструкция участка Приморского бульвара и набережной Южной бухты. Снос существующих малоэтажных строений. Концепция: единый торговый кластер с фуд-моллом и панорамным рестораном. Заказчик соинвестор: ООО „Логвин Групп“.»

«Логвин». Он перечитал фамилию трижды, словно она могла перемениться от третьего прочтения. Не переменялась.

— Так, — сказал Марк спокойно, хотя спокойно он никогда не умел. — А что попадает под снос?

— По нижней стороне? — сотрудница достала планшет и повела пальцем по карте. — Кафешки-ракушки, старый павильон проката... а, и ещё это. «Компас» называется, кажется. Кофе у них, между прочим, вкусный. Я там каждое утро.

— Каждое утро?

— Каждое. Капучино и круассан с миндалём. — Она посмотрела на Марка с подозрением. — А что?

— Ничего, — сказал Марк. — Я просто думаю, как вам объяснить, что вы подписались на снос собственного завтрака.

Вернувшись в мастерскую, он сел за стол, положил перед собой папку и долго смотрел на неё, как смотрят на дракона, прикинувшегося юридическим документом. Потом сделал то, что умел лучше всего: взял чистый лист и начал чертить. Если набережную всё равно будут переделывать — он переделает её так, чтобы снести ничего нельзя было. Чтобы каждый павильон держался за место так же крепко, как за место держались они все — квартал, море, утро и запах кофе.

На самом краю листа, не подумав, он нарисовал маленькое окно с чёлкой в нём. Чёлка стояла дыбом.

— Это уже не архитектура, — сказал он вслух сам себе. — Это диагноз.

ГЛАВА 4

Шахматный галстук

Гоша Пепельницкий заезжал за Марком в половине восьмого вечера — по расписанию, которое существовало только в его голове и нарушалось строго по расписанию.

Такси было синее и очень старое, зато внутри пахло ванилью, потому что Гоша заливал в ароматодиффузор дешёвый освежитель, который назывался «Ванильная Тоска», хотя Тоска при ванили никогда не стояла, а Гоша никогда не стоял в Тоска.

— Садись, — сказал он, когда Марк снял велосипед с крюка. — Нет, велосипед в багажник не лезет. Пусть едет за мной. Мы с ним напарники, у него опыт больше моего.

— Тебе бы казённый транспорт запретить, — сказал Марк, привязывая «Каму» к багажнику резинкой.

— Мне нельзя запрещать транспорт. У меня транспорт — профессия и вера. — Гоша поправил галстук. Галстук был шахматный. Он надевал его на все значимые события: на похороны, на свадьбы и на вечерние разговоры о судьбе. — Чёрные — это аргументы, белые — это возражения. Я хожу чёрными.

— Ты не умеешь играть в шахматы.

— Я умею носить шахматы. Это выше.

Они поехали вдоль бухты. Гоша вёл машину так, как разговаривал: с расстановкой, с паузами и с одним неожиданным манёвром в конце.

— Управление тебе контракт скинуло, — сказал он это не вопросом. У Гоши по городу не было ушей. У него были щупальца.

— Скинуло.

— В контракте — Логвин.

— Тот самый, из-под банка, — Гоша кивнул сам себе. — Понятно. Значит, слушай план спасения. План такой: ты подписываешь контракт.

— Что?

— Подписываешь. Внутри. Сначала внутри, потом наружу. Ты — архитектор. Они тебе дают бумагу, где написано «снос», а ты даёшь им проект, где написано «сохранение», а подписи уже стоят, и меняются подписи плохо, дорого и долго. Знаешь, что дороже всего на свете? Не деньги. Дороже всего на свете — уже подписанная бумага, которую надо переделывать.

— Это, — сказал Марк медленно, — первый твой план за десять лет, в котором есть хоть одна ступенька логики.

— Я расту, — скромно согласился Гоша. — К тому же у меня второй пункт плана.

— Я боюсь спрашивать.

— Второй пункт плана: кафе «Компас». Та блондинка. Жанна.

— А при чём тут она?

— При том, что ты, когда про неё рассказывал, специально не рассказывал. Значит, рассказывать надо было. — Гоша повернул руль, объезжая яму, и сделал это с такой грацией, с какой обычно объезжают только судьбоносные вопросы. — Дальше. Она при чём тут кафе. Кафе при чём тут снос. Снос при чём тут ты. Ты при чём тут она. Круг замкнулся. Все довольны.

— Ты это только что придумал?

— Я это продумал ещё в Тоскане.

— Ты не был в Тоскане.

— Я не был в Тоскане только физически.

Они проехали ещё немного молча. Море справа делало то, что море делает по вечерам: собирало в себя весь свет и говорило, что всё это — и набережная, и кафе, и глупые планы, и чёлка дыбом — стоит того, чтобы за него драться.

— Гоша, — сказал Марк наконец. — А если Логвин заметит, что я рисую не то, что он заказал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.